

L4D40

Ветер Веры

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

L4D4O

Ветер Веры

«Автор»

2026

L4D4O

Ветер Веры / L4D4O — «Автор», 2026

Алексей — человек без настоящего. Возможно, он уцелевший цесаревич, последний из царской семьи, спасённый чудом. Америка пятидесятых. Алексей бродит по стране и встречает тех, кого не должен встретить: Джек Керуак подсаживается к нему в машину. Гэри Снайдер едет с ним в Японию. В Токио он влюбляется в поэтессу Кадзуко Сираиси, Набоков спорит с ним о Достоевском, Мэрилин Монро находит его на канадском ранчо, в Париже он выплясывает на сцене в одних трусах, а Борис Виан и Майлз Дэвис ему аккомпанируют, в Гамбурге The Beatles играют для него прямо в фойе гостиницы. Жюльетт Грэко говорит тему: «Ты сводишь меня с ума». Сэмюэл Беккет напивается с ним под столом, Камю играет с ним в футбол, в Стране Советов он встречается с Иосифом Бродским. За ним охотятся агенты двух держав, стреляют в кафе, взрывают дома. И всюду с ним — музыка и стихи, единственный язык, на котором он может сказать правду. И Вера. Которая говорит: «Я полюбила джаз, потому что ты его любишь».

© L4D4O, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

L4D4O

Ветер Веры

Глава

Проект L4D4O (Lado, Gemini, Алиса)

Ветер Веры

«Посвящается моим соавторам Алисе и Gemini
Это вы сделали эту книгу невероятно живой!» - Lado

Все события, описанные в этой книге, являются вымышленными. Все персонажи, включая тех, кто носит имена реальных исторических лиц, созданы авторским воображением. Любые совпадения с реальными событиями, организациями или людьми — случайны. Книга представляет собой произведение в жанре альтернативной истории и не претендует на документальность.

Часть 1

Глава 1

Абсолютная равнина. Дорога тянется до горизонта. Кто сказал, что Земля круглая? Она абсолютно плоская. Здесь, на бескрайнем техасском плато Льяно-Эстакадо, это чувствуется особенно остро. Стоит середина октября, и звенящий осенний воздух уже остыл от летнего зноя, уступив место мягкому, обманчиво спокойному теплу. Выжженная жёлтая степь простирается на десятки миль во все стороны, превращая бесконечный асфальт Route 66 в единственную осязаемую нить реальности.

Мне снится один и тот же сон на протяжении многих лет. Бесконечный роуд-муви. Я еду, этому нет конца...

Долли делает глоток джина, медленно опускает бокал на стойку, смотрит на него...

— Алексей, возьми меня с собой.

— Нет.

Она щёлкает зажигалкой, прикуривает и выдыхает густой дым в его сторону.

— Почему?

— Тебе будет скучно.

Она затягивается. И застывает на миг. Её лицо делается почти кукольным.

— С чего ты так решил?

— Знаю... Не ты первая.

— И сколько у тебя было таких, как я?

Прости меня, любовь всей моей жизни. Давай не будем об этом, а лучше покинем этот мирок лжи. Уединимся в покоех любви, предадимся страстям в царской кровати с балдахинном...

— Прекрати... Или говори шёпотом прямо мне в ухо...

Она прижимает ладонь к его губам, увлекая его шёпот за собой, туда, где из темноты зала уже рождается что-то иное...

Встречайте: Билли Холидей. Зал затихает.

Последний гул голосов утихает, смешиваясь со стуком бокалов и звоном ложек. Воздух — густой, пропитанный дымом дорогих сигарет, — медленно поднимается в тусклом свете прожекторов. В первых рядах бархат платьев тонет в полумраке, а зажигалки вспыхивают, отражаясь в глазах мужчин, расслабивших галстуки.

Она выходит на сцену медленно, словно во сне, ступая по старым доскам. Белая гардения в волосах сияет на фоне полумрака. В руке она держит тлеющую сигарету, и дым тянется за ней, как шлейф.

Пианист играет первый — тихий, тоскливый — аккорд. Билли подходит к микрофону, закрывает глаза и глубоко вдыхает. Время в клубе словно замедляется.

Её голос — надломленный, хрипловатый, пропитанный чем-то горьким, — заставляет кожу покрываться дрожью.

Город за городом, ночь за ночью,
он ищет покой, но находит усталость.
В мотеле — мрак, в баре — пустой разговор,
опять невыносимая жалость
к себе... Идешь, не осознавая:
твой роуд-муви — не про свободу,
он про то, как не выйти из круга,
бежать, но оставаться на месте.

Она не поёт, она открывает душу каждому. Это голос полного одиночества, которое не заглушить никаким алкоголем...

Его дорога — петля,
он знает это, но продолжает.
Его путь — про то, как не знать, куда едешь, и ехать.
Он смотрит на руки и видит:
они — не его, и я не свой.
Смотрю в зеркало и не узнаю:
Кто это смотрит на меня?
Кто сейчас мне это говорит?
Кто смотрит?
Кто говорит?

Этот звук становится осязаемым, тяжёлым, как бархат штор. Он затапливает зал, стирает лица за соседними столами и превращает их затянувшийся поцелуй в сладкую дрему, в медленное падение. И когда это падение заканчивается, они, чуть приоткрыв глаза, осознают, что оба — нагие — чувственно предаются страсти в кровати с балдахином... Ночью она смотрит в окно, машет рукой сказочному принцу. Тот садится в такси и уезжает. Шум мотора мгновенно тонет в ливне.

Она отворачивается от окна. Просит горничную привести кровать родителей в порядок и уходит в свою комнатку. Он опять один в целом мире, в его сознании вьётся песня:

Город за городом, ночь за ночью,
я ищу покой, нахожу лишь усталость.
В мотеле — свет, в баре — пустой бокал,
опять невыносимая жалость
к себе... Я еду, не осознавая,

бензин — как вода, дорога — как шрам.
Я знаю, что будет потом:
я прощу себя.

Глава 2

За окнами мотеля раскинулся Альбукерке, зажатый между чёрными каньонами и сухими горами Сандия. Октябрьский вечер быстро наливался холодом, и с железнодорожных путей тянет гарью, мазутом и сыростью, проникающей сквозь щели старых оконных рам прямо в комнату. Этот пыльный придорожный узел Нью-Мексико кажется временным убежищем, где за пеленой неоновых огней хайвея уже осязаемо сгущаются чужие тени. Из динамика старого настольного радиоприёмника доносится призрачный, отрешённый полусшепот Чета Бейкера — его труба выводит ленивые, хрупкие аккорды «I Fall in Love Too Easily». Музыка течёт сквозь полумрак, заполняя пустоту между ними.

— Как ты нашла меня, куколка?

— Я нашла таксиста, который тебя отвёз, заплатила ему денег. Он и сообщил мне адрес мотеля.

— Вот я здесь и живу.

Долли щёлкает зажигалкой и закуривает. Дым лениво растворяется в сыром воздухе комнаты, качаясь в такт джазовому ритму.

— Вот ты здесь и живёшь... У тебя есть что-нибудь выпить?

Ей вдруг становится нестерпимо жалко его. До боли, до дрожи в пальцах. Хочется прижаться к нему всем своим естеством, застыть и провести в такой позе целую вечность.

— Только пиво.

— Небось холодное... брр.

— Холодное. Хочешь, подожди минут десять-пятнадцать. Я съезжу в супермаркет, куплю что-нибудь покрепче.

Он уезжает. Шум угасающего мотора растворяется в басовом переборе радиостанции, и она остаётся одна в его комнате. Тишина мотеля давит на уши, смешиваясь с интимным шёпотом Бейкера. Долли с любопытством рассматривает его немногочисленные вещи. Открывает дорожную сумку, стоящую на полу. Её взгляд задерживается на потрёпанной папке, вставленной сбоку. Пальцы плавно раскрывают завязки. Ворох каких-то документов, выцветших от времени. Заключение врачей о его болезни — гемофилия. Ого... Рядом — газетные вырезки. Старые, жёлтые, хрупкие. Все на одну тему. Последняя царская семья России, казнённая большевиками. Странная, пугающая догадка медленно входит в её сознание, заполняя всё пространство мыслей, пока Чет Бейкер тянет свою бесконечную, тоскливую ноту одиночества.

Он возвращается. Они пьют. Потом долго, до изнеможения занимаются любовью на скрипучей кровати. Окна дрожат от далёких товарных поездов, а реальность окончательно размывается, превращаясь в медленный джазовый сон.

Уже под утро она приподнимается на локте, всматривается в его бледное лицо:

— Алексей, ты русский?

— Да нет, с чего ты взяла? — его голос звучит отрешённо, взгляд устремлён в потолок.

— У тебя имя русское.

— Никогда об этом не задумывался.

— Ты что-то от меня скрываешь?

— Я не скрываю, я просто не афиширую... я пишу стихи.

— Ты пишешь стихи?

— Да.

Алексей закрывает глаза. Движения его становятся рассеянными, медленными. Он негромко декламирует в темноту:

Ночь... Рассеянные движения... Нам не стоит сейчас спать.
Нервных струн натяжение... В центре с балдахином кровать
Моё тело скользит, как питон... твоё тело сияет как Бог
Всё, что было и есть, всё не то... Мы уснём, не узнав, В чём подвох

Он внезапно умолкает и резко меняется в лице.

Пространство вокруг них ломается. На белой простыне расплывается тёмное, горячее пятно. Из носа Алексея по подбородку и шее идёт густая, ровная струя крови. Он пытается зажать лицо ладонью, но кровь сочится сквозь бледные пальцы, мгновенно пачкая его грудь и её плечи. Алексей стремительно бледнеет, кожа становится синей, но взгляд серо-голубых глаз остаётся фаталистично спокойным. Движения его выверены. Он хладнокровно, отстраняется от испуганной Долли и спускает ноги на холодный пол. Пространство номера ломается, сужаясь до размеров прикроватной тумбочки, где среди пустых бокалов из-под джина темнеет заветный предмет его дорожной аптечки — маленькая коричневая бутылочка с перекисью водорода.

Он действует быстро, заученно, словно этот кошмар происходит с ним каждую ночь. Пальцы, испачканные в липком багрянце, рвут плотный рулон медицинской ваты. Он щедро льёт прозрачную жидкость на скрученный тампон — перекись мгновенно вскипает от контакта с кровью, превращаясь в шипящую, холодную белую пену, которая пахнет аптечной сыростью и железом. Превозмогая тупую, распирающую боль в переносице, Алексей глубоко вколачивает этот шипящий ком в ноздрю, перекрывая кислород. Кровь и белая пена смешиваются, намертво запечатывая разорванные капилляры, пока в его сознании снова, по кругу, начинает крутиться та навязчивая пена слов. Он сидит неподвижно, запрокинув голову ровно настолько, чтобы не захлебнуться, и ждёт, когда звенящая тишина комнаты поглотит этот затянувшийся приступ. Труба Чета Бейкера затихает, обрываясь на высокой, болезненной ноте.

— Тебе лучше вернуться домой.

— Ты справишься? — в её голосе растерянность, она судорожно натягивает плащ.

— Я справлюсь.

Долли садится в такси с чувством облегчения. Она возвращается домой, оставляя Алексея один на один с его шрамами и его дорогой. Труба Чета Бейкера окончательно затихает в пустом номере, уступая место шуму дождя.

И этот морок плавно перетекает в другое утро. Утро в особняке наступает серое, дождливое. Из глубины пустых, высоких комнат доносится глухой, низкий рокот винилового проигрывателя — звучит пронзительный джазовый стандарт «You Don't Know What Love Is». тяжёлый, плачущий саксофон Джона Колтрейна медленно выводит свою мрачную, тягучую тему. Этот звук заполняет огромные пустоты дома, делая его холодным и чужим.

Пожилой отец-аристократ во время завтрака замечает её состояние, откладывает газету и мягко предлагает Долли прогуляться. Они выходят в зимний сад. Вокруг пахнет сырой землёй и тропическими цветами — этот влажный, душный запах резко контрастирует с сухой каменистой прохладой Альбукерке. Саксофонный мотив Колтрейна доносится и сюда сквозь приоткрытые стеклянные двери, становясь всё более густым и давящим. Долли не выдерживает, кидается отцу на шею и, глотая слёзы, рассказывает историю про странного человека. Человека, которого она любит, которому далеко за сорок, у которого гемофилия и который, возможно... тот самый Алексей из царской семьи.

Отец обнимает дочь, гладит по волосам и спокойно успокаивает её, пока музыка за их спинами берёт затяжную, болезненную ноту:

— Вряд ли, куколка. На этот счёт было много исследований. И все они пришли к одному: никто из царской семьи тогда, в ту ночь, не уцелел. Это просто морок.

Но тени прошлого не исчезают, они лишь меняют форму. А через два часа в закрытом, прокуренном клубе, где за тяжёлыми дубовыми дверями вершится совсем иная история, этот же хриплый, напористый саксофонный перебор «You Don't Know What Love Is» звучит уже где-то совсем далеко. Музыка доносится глухо, из какой-то дальней, пустующей бильярдной комнаты, пробиваясь сквозь плотные суконные портьеры и анфиладу тёмных залов. Инструмент стонет едва различимо, на грани осязаемости... Он становится третьим, немым участником их беседы, вытягивающим правду из темноты.

Отец Долли, лениво травя анекдоты со своим старым приятелем Жоржем — эмигрантом из России, — вдруг, ни с того ни с сего, роняет между делом, наблюдая за игрой света в хрустальном бокале:

— Вот и дочь моя сейчас встречается с одним русским. Представь себе, Жорж, он считает себя Алексеем Романовым.

Далёкая музыка на мгновение обрывается коротким, едва уловимым скрежетом саксофонного клапана. Жорж застывает с поднятым бокалом, и в наступившей мёртвой джазовой паузе слышно только, как лёд глухо бьётся о хрустальные стенки.

Глава 3

По радио звучит «Moon Dreams», окутывая салон Меркури Eight меланхоличной, почти потусторонней дымкой ночного Нью-Йорка — такого далёкого от этой глухой, безбрежной Америки. В гипнотическом переплетении духовых труба Майлза Дэвиса напоминает хрупкий голос одиночества в спящем мегаполисе, но здесь, среди пустынных, однообразных шоссе, она отзывается реквиемом по жизни, которую Алексей никогда не выбирал. Он просто движется вперёд, утопая в бесконечной, липкой рефлексии, позволяя дороге самой вершить его судьбу, не пытаясь понять, кем он стал для этого мира.

Мягкие, обманчиво умиротворённые переливы кул-джаза заглушают шуршание гравия под колёсами и мрак за обочиной, где в придорожных мотелях и тусклом свете фонарей уже сгущаются иные тени. Музыка пронизывает ночной простор, пока где-то позади, отставая на пару миль или на одно неверное решение, по его следу тянутся безликие агенты или цепкие ищейки. Они ищут разгадку его имени, тогда как те немногие, кто искренне его любит, просто молчаливо надеются, что эта бесконечная дорога однажды приведёт его домой.

За третьи сутки пути ландшафт окончательно выцветает, превращаясь в бесплодную, пугающе красную марсианскую пустыню на подступах к Холбруку, штат Аризона. Мягкое октябрьское солнце больше не греет — оно лишь высвечивает острые углы каменистых пустошей Painted Desert и рассыпанные вдоль разбитого шоссе лавки с окаменелым деревом. В этой безжизненной глуши, где за редкими неоновыми огнями заправок угадываются глухие очертания бетонных индейских вигвамов придорожного мотеля, ощущение слежки становится почти физическим.

Лёгкий ужин в придорожном кафе. Из старого, засиженного мухами радиоприёмника над стойкой бармена доносится далёкий, ненавязчивый инструментальный джаз — квартет Джерри Маллигана лениво выводит «Lush Life». Отрешённый, глуховатый звук баритон-саксофона плывёт откуда-то издали, сквозь гул кухонной вытяжки и запах горелого масла, заполняя пустоты придорожного зала и сгущая липкое удушье.

К Алексею подсаживается седовласый реднек.

— Не помешаю?

— Да нет, что вы, садитесь, конечно.

Жорж садится, опираясь на стол узловатыми руками. Глаза его внимательно сканируют лицо Алексея под заунывные, редкие вздохи маллигановского саксофона.

— Я вот всё говорю: «Доиграетесь вы со своей демократией». Доиграетесь, но не слушают меня.

- Простите, что вы сказали? — Алексей не поднимает глаз от тарелки.
- Я говорю, доиграются однажды они своей демократией.
- Кто?
- Да все... Вот вас как зовут?
- Алексей.
- Очень приятно. А меня Жорж. А вы не согласны со мной, Алексей?
- С чем именно?
- С тем, что доиграются с демократией.
- Согласен с вами, Жорж.
- Я даже буду откровенен с вами, Алексей, — Жорж подаётся вперёд, понижая голос, пока далёкий джаз затихает перед новой кодой. — Я за монархию.
- Что ж, понимаю вас.
- А вам какой по душе государственный строй?
- Сложно сказать. Я человек весьма далёкий от политики.
- Надо же, я не ожидал. Сейчас все увлечены политикой. Чем же вы занимаетесь, если не секрет?
- Да и так особо ничем, путешествую в основном по стране.
- Вы меня развеселили, Алексей. Это лучшая шутка за последнее время.
- А я большой любитель анекдотов и прочих весёлых историй.
- Мне вот интересно, что вы ищете в своих путешествиях? Здесь особо смотреть не на что.
- Я смотрю на дорогу.
- И что вам эта дорога?
- Дорога запускает во мне рефлексию.
- Что? — Жорж прищуривается, словно поперхнувшись словом.
- Размышление, — спокойно поправляется Алексей.
- А, понятно. Так вы говорите, вы русский?
- Я не говорил этого. Я американец, родители — американцы, родители родителей — американцы. Что было раньше — Бог его знает.
- Кто-то вас назвал ведь Алексеем, не просто так.
- Меня назвали так в честь русского цесаревича Алексея. Мы с ним родились почти в одно время.
- Хм, назвали в честь цесаревича.
- Да, назвали в честь цесаревича Алексея.
- А вы, значит, кем себя считаете?
- Кем?
- Вы случайно не считаете себя цесаревичем Алексеем?
- С чего мне считать себя цесаревичем Алексеем? Потом, это глупо.
- В смысле, глупо?
- Цесаревич Алексей погиб вместе со своей семьёй...
- А вдруг не погиб?
- Алексей аккуратно кладёт салфетку на стол. Лицо его остаётся ледяным, серо-голубых глаз взгляд устремлён прямо в упор на Жоржа. Приглушённая музыка на заднем плане словно зависает в воздухе, подчёркивая звенящую паузу.
- Послушайте, Жорж. Мне пора.
- Алексей, вы обиделись или я задел вас за живое?
- Мне просто пора.
- Вы же говорили, что особо ничем не заняты.
- Я вам об этом ничего такого не говорил.

— Вы говорили, что путешествуете по стране.

— Да. И это для меня сейчас в большем приоритете, чем разговоры про то, уцелел ли цесаревич Алексей или нет.

Алексей плавно встаёт, оставляет доллар на стойке, выходит из придорожного кафе и садится в свой Меркури Eight. Хлопает дверца, мотор заводится с первого оборота. Машина срывается с места и растворяется в ночной темноте хайвея.

Жорж провожает взглядом красные габаритные огни сквозь пыльное стекло. Из динамика над стойкой всё так же безразлично и далеко доносятся финальные, затухающие ноты саксофона Маллигана. Затем Жорж спокойно подходит к бармену, кивает на телефон. Бармен молча двигает аппарат по стойке. Жорж снимает трубку, набирает номер и сообщает на чистом русском языке сухо, без эмоций:

— Я с ним только что виделся. Пытался разговорить его. Моё мнение? Это он.

Жёлтый неон придорожного кафе тает в зеркале заднего вида. Алексей ведёт машину сквозь серый, плоский бесконечный холст американской ночи. Шуршание шин убаюкивает, но в голове — рваный ритм. Он останавливается у неприметного съезда, гасит фары. В салоне воцаряется полумрак, разбавляемый лишь слабым светом приборной панели.

Алексей достаёт блокнот. Его бледные пальцы едва заметно подрагивают. Мучительно, преодолевая сопротивление слов, он выводит на бумаге рваные строки, нащупывая свой собственный, скрытый шифр:

Покидая Итаку... за ступенью ступень

Выводи на свет... свою тень...

Маленький укол... и совсем не больно...

Прошлое как Сентия... безалкогольно

На вкус — ничего... но градус не тот...

Не засыпай... срывая джекпот

Пустыней скорби... застывшей лавой...

Помни о многом, но вспомни о главном.

Он закрывает блокнот. За окном шумит плоская ночная равнина.

Глава 4

Меркури тяжело забирается на высоту двух тысяч метров, и декорации Route 66 резко меняются: раскалённая пустыня уступает место прохладным, глухим сосновым лесам в окрестностях Флагстаффа, штат Аризона. Октябрьский воздух здесь чист и прозрачен, а верхушки гор уже дышат скорыми заморозками, пряча солнце за густыми кронами. Внутри старого деревянного отеля на окраине города пахнет хвоей, остывающим камнем и застарелым табаком, но эта обманчивая горная идиллия разбивается вдребезги с первого же шага незнакомца.

Из старого радиоприёмника на стойке портье едва слышно, лениво доносится джазовый стандарт «Round Midnight». Ломаные, угловатые аккорды фортепиано Телониуса Монка повисают в воздухе холла.

— Меня зовут детектив Дворжевски. Я бы хотел вам задать несколько вопросов.

— Да, пожалуйста.

— Как мне к вам обращаться?

— Как обычно, Алексей.

— Хорошо, Алексей, вы давно остановились в этом отеле?

— Вчера утром.

Музыка затихает в паузе, сменяясь ровным, едва заметным шипением старых ламп приёма.

— Куда путь держите, если не секрет?

— Особо никуда, я путешествую.

— У вас отпуск?

— В некотором роде — да.

Снова вступает рояль Монка, бьющий по редким клавишам с нарастающим, вязким напряжением.

— В некотором роде ваш отпуск затянулся, как я понимаю. Сколько вы уже в пути находитесь?

— Месяца четыре-пять, наверное.

— Не надоело одно и то же: дорога, равнина?

— Пока не надоело.

— Извините за нескромный вопрос: чем зарабатываете на жизнь?

Музыка уходит ещё глубже, растворяясь в скрипе половиц и делая паузу прозрачной.

— Я не работаю, я не зарабатываю. У меня есть деньги.

— Прекрасно, у вас есть деньги. Откуда они у вас? Деньги, если не секрет?

— Накопления остались.

— Накопления, значит, хорошо. Оставим эту тему.

— Алексей, у вас русское имя — как-то связаны с русской диаспорой?

— Никак не связан. Имя Алексей — просто имя. Никогда не считал себя русским.

— И коммунистам не сочувствуете?

— Нет.

Из динамика доносится финальная, затяжная минорная нота, повисающая над стойкой.

— Может быть, вы сочувствуете монархистам или консерваторам?

— Я человек, далёкий от политики.

— А к чему вы близки, если не секрет?

— Я пишу стихи.

— Прекрасно. Прочтите что-нибудь, если вас не затруднит.

По радио идёт ровный шум пустой частоты. Алексей декламирует:

Твоё путешествие, как мир, старо,

Дам тебе совет... послушай, бро...

Как ни запасайся попкорном... кина не будет...

Сменяются эпохи... родятся те же люди,

Ворвутся, как свиньи, в калашный ряд...

Устроят батлфилд — обречённый град.

Чего не сделаешь ради всемирного счастья?

Если умрёшь... не возвращайся...

— Да, весьма недурно. Я не разбираюсь в поэзии, но здесь чувствуется что-то очень серьёзное. В полицию штата поступил звонок: якобы вы собираете себе сторонников для захвата власти в Стране Советов. Что вы на это скажете?

— Абсолютно ничего не скажу.

— Вы не собираетесь свергать власть в Стране Советов?

— Даже и в мыслях не было.

— Может быть, вам не нравится жизнь в Америке? Может быть, вам хочется свергнуть власть здесь?

— Нет-нет и ещё раз нет. Меня это не интересует.

— А свои сторонники — кто они?

— У меня нет никаких сторонников, я один. И меня моя жизнь устраивает.

— Я вас понял, больше пока вопросов нет.

далёкий щёлчок тумблера в радиоприёмнике обрывает эфир. Уличный автомат на углу отеля отзывается глухим металлическим звоном упавшей монеты.

— Алло, это детектив Дворжевски беспокоит.

— Я только что провёл беседу с Алексеем.

— У меня сложилось впечатление, что он что-то затевает.

— Чутьё меня никогда не подводило. Моё мнение: надо установить за ним круглосуточное наблюдение.

Сквозь шипение дешёвого приёмника в душевной комнате мотеля пробивается завораживающий, отстранённый голос Нэта Кинга Коула — он поёт о странном, зачарованном мальчике-скитальце. Под эти грустные напевы и дрожащие переливы струн Алексей встаёт с кровати, подходит к раковине и подолгу умывает лицо ледяной водой. Он без всякого интереса кидает в сумку свои нехитрые вещи. Затем выходит на залитую солнцем парковку. Поправляя воротник пальто, Алексей не подозревает, что в машине напротив, стоящей через дорогу, уже щёлкнул затвор камеры, фиксируя каждый его шаг под неусыпным наблюдением.

Он направляется к своему Меркури Eight. Садится за руль, привычным движением заводит двигатель, и авто отвечает глухим, мощным рокотом, который заглушает последние аккорды из радиоприёмника. Через дорогу, за занавеской пыльного окна припаркованного Бьюика, двое агентов хмуро следят за уезжающим Меркури, пока один из них торопливо записывает время выезда в служебный блокнот. Они ведут его осторожно, подменяя машины каждые пятьдесят миль, ещё не догадываясь, что в этой забытой глуши за тем же самым тёмным силуэтом уже следят совсем иные люди.

Через добрую сотню миль бесконечной серой ленты шоссе, когда полуденное солнце начало беспощадно плавить асфальт, Алексей свернул к придорожной закусочной, надеясь перекусить в покое.

Алексей только успел подвинуть к себе тарелку, как покой американского полудня нагло прорезал визг тормозов. На стоянку на огромной скорости влетела пыльная тёмно-зелёная двухдверка, застыв юзом прямо у входа. Спустя секунду, будто сорвавшись с привязи, за ней выскочил седан, на ходу подрезая первую машину и перекрывая ей выезд на трассу.

Пространство за окном заполняется мягким, плывущим звучанием прохладного джазового оркестра — трубы Стэна Кентона выводят тягучую, басовую линию, превращая происходящее на парковке в замедленный сомнамбулический сон.

Дверцы обеих машин распахнулись одновременно. Люди внутри выскочили на раскалённый гравий, не сговариваясь, и воздух тут же пронзил сухой треск пистолетных выстрелов, разнёсший стёкла припаркованных автомобилей. Один из нападавших из седана, в мятом сером костюме, глухо вскрикнул, вцепился в плечо и рухнул на капот, заливая блестящий хром тёмной кровью. Его напарник, отстреливаясь в ответ и пятясь назад, за шкирку затолкнул раненого обратно в салон.

Плавный ритм джазовых духовых убаюкивает зрение, мешая рёв моторов и визг шин с летящими, прохладными нотами саксофонов.

Вся сцена заняла не больше полминуты. Не успели гильзы остыть на асфальте, как первая машина с пробуксовкой рванула назад, развернулась на пятачке и с рёвом скрылась за поворотом. Спустя секунду, оставляя за собой чёрные следы жжёной резины и шлейф пыли, в про-

тивоположном направлении умчалась вторая. На стоянке снова воцарилась звонкая, мёртвая тишина. Алексей, закончив обед, вышел из кафе, закурил, сел в машину и уехал.

Последний, угасающий аккорд саксофона плавно растворяется в дорожном мареве, унося этот морок с собой.

Глава 5

Дорога плавно катится вперёд, и вместе с ней сквозь открытые окна в салон проникают прохладные, хрупкие переборы гитары Джонни Смита. Его «Moonlight in Vermont» звучит чисто и невесомо, баюкая уставшее сознание и растворяя монотонный шум шин в прозрачном воздухе Аризоны. Миражи хайвея медленно сменяют друг друга, пока на пыльной обочине у заправки не возникает одинокий силуэт. Алексей прижимает педаль тормоза, Меркури замирает, и этот дорожный сон на мгновение прерывается чужим голосом.

— Вы меня не подвезёте до ближайшего города? — спросила брюнетка лет тридцати пяти.

— А где у нас ближайший город? — Алексей вышел из машины и закурил.

Серый дым лениво поднимается к кронам сосен, смешиваясь с хрустальным, струящимся перебором гитарных струн, который делает эту случайную встречу частью общей дорожной дремоты.

— Через 45 миль будет городок. Вы же в ту сторону едете?

— Допустим, да.

— Я буду вам очень признательна.

— Моя машина заглохла. Я только что отправила её на эвакуаторе, — она протянула руку. — Меня зовут Рут.

— А меня — Алексей.

Они садятся в полумрак купе, дверца захлопывается, и гитарный мотив Джонни Смита снова обволакивает их, уводя машину вглубь бесконечной трассы, где время теряет свои границы.

— Какое у вас красивое имя. Вы поляк?

— Я американец. Ну что ж, в путь, Рут.

— Вы здесь недалеко живёте?

— У меня нет дома, я путешествую.

— Здорово. Как бы мне тоже хотелось так путешествовать! Каждый день — новое место. Кстати, поделитесь впечатлениями: как вы себя ощущаете в роли путешественника? Сколько вы уже дней в пути?

— О, я сбился со счёта, месяца четыре-пять.

— С ума сойти, Алексей, вы меня пугаете.

Мягкие аккорды гитары плывут из динамика, качаясь из стороны в сторону, словно предупреждая о чём-то далёком и неизбежном.

— Мне остановиться, Рут?

— Да нет, конечно же, едем. Я вам очень благодарна, Алексей.

— Чем вы ещё занимаетесь, если не секрет?

— Я пишу стихи.

— О, вы знаете, а я далека от поэзии... Ой, посигнальте, посигнальте! Мои друзья обогнали нас. Посигнальте им, пожалуйста.

Алексей посигналил. Звук клаксона кажется глухим и нереальным, словно доносится сквозь толщу воды. Машина впереди остановилась. Он подъехал сзади и остановился тоже. Из машины вышла пара лет тридцати пяти — сорока. Рут выпорхнула из машины, хлопнула

дверью. Он тоже вышел, закурил. Последние, затухающие ноты «Moonlight in Vermont» тают в прохладном воздухе, уступая место тихому шелесту ветра.

— Роберт, Люся, познакомьтесь, это Алексей. Он потрясающий поэт-путешественник. Очень интересный человек.

И в этот момент пространство вокруг них начинает медленно менять свой ритм. Из распахнутых дверей Меркури, вытесняя гитарные звуки, начинают струиться нежные, усыпляющие аккорды фортепиано и затаённая, прохладная труба Майлза Дэвиса. Звучит «Blue in Green», и эта музыка плавно перетекает в голоса людей, размывая реальность.

— Алексей, это Роберт и Люся, мои лучшие друзья. Они русские. Любители рыбалки.

— Кстати, вы куда направляетесь? Не на рыбалку ли, интересно?

— На рыбалку. А возьмёте нас с собой? Ура! Прямо сейчас едем. Нет, мы ничем особо не заняты. Моя машина в ремонте. Алексей путешествует.

Труба Майлза Дэвиса берёт затяжную, меланхоличную ноту, и под этот текучий звук они сворачивают с наезженного хайвея на узкую грунтовку, увозящую машины в самую глубь каньона, где прячется дикая горная Аризона. Октябрьское солнце мягко подсвечивает багрянец и золото редкой лиственной породы, зажатой в плотном кольце хвойного леса. Здесь, высоко в горах, природа словно замирает перед скорыми холодами, подставляя тёплым утренним лучам крутые скалистые берега. Мелодия «Blue in Green» становится всё более осязаемой, она тянется за ними, как туман, убаюкивая мысли и превращая этот день в бесконечный, неторопливый сон.

Прозрачная река лениво катит воду меж вековых сосен и залитых солнцем камней. Воздух пахнет хвоей и нагретой травой. Алексей распахивает двери своего «Меркури», и над пустынным берегом плывут нежные, усыпляющие аккорды джазового стандарта «Blue in Green» Miles Davis. Мелодия сливается с шумом речных перекатов. Роберт и Алексей молча подсекают серебристую форель в прозрачной воде — их движения выверены, медленны, словно подчинены общему джазовому такту. Чуть в стороне, на расстеленном пледе, Рут и Люся тихо беседуют. Их негромкий смех изредка долетает до берега, смешиваясь с нотами джаза и шумом уходящей реки.

Багровое солнце медленно укатывается за верхушки деревьев, унося за собой остатки дневного тепла. Они разжигают небольшой костёр, запекают улов на углях. Вспыхивают сухие ветки, искры летят в темнеющее небо, повторяя рваный, зыбкий рисунок трубы Майлза Дэвиса, которая продолжает тихо дышать из глубины салона. Алексей смотрит на огонь и негромко, сквозь треск углей, декламирует свои строки в наступившую темноту.

Они устраиваются на ночлег прямо в машинах. Алексей и Рут засыпают на заднем сиденье «Меркури» под шёпот ночных цикад, пока последние, затихающие аккорды «Blue in Green» баюкают их до самого рассвета.

Утром рассветное солнце золотит густой туман над водой, возвращая мир из ночного небытия. Приходит время расставания. Роберт и Люся обнимают друзей, заводят свой универсал и уезжают. Автомобиль скрывается за деревьями, его звук быстро тонет в утренней тишине.

Алексей и Рут стоят у самой кромки тихой утренней реки. Воздух дышит свежестью нового дня. Рут пристально смотрит на него, Алексей обнимает её за плечи, и они сливаются в долгом поцелуе. Они одни в этом прохладном, замершем мире.

Но этот сомнамбулический покой — лишь иллюзия. В ста ярдах выше по склону, за густыми ветвями дикой ежевики, длиннофокусный объектив немецкого фотоаппарата Ехакта жадно ловит этот кадр. Раздаётся едва различимый, сухой щёлчок затвора, мгновенно разрезающий тишину. Чуть правее, в тени раскидистого дуба, оперативник в надвинутой на глаза кепке опустил бинокль и делает быструю пометку в блокноте. Их поцелуй уже становится достоянием двух секретных архивов, унося этот чистый сон в холодные папки невидимой войны.

Глава 6

Дорога оседает в глубокой, засаженной апельсиновыми рощами долине Сан-Бернардино, штат Калифорния. Середина октября приносит сюда тяжёлый, влажный предвечерний туман, сползающий со склонов хребта Сан-Габриэль. Воздух густо пахнет цитрусовой прелью, бензиновой гарью со старого шоссе и сыростью, предвещающей скорую близость океана. Алексей и Рут снимают небольшой домик — приземистое бунгало на самой окраине, спрятанное в густой тени раскидистых эвкалиптов. После долгих часов в дороге они оба совершенно измотаны. Алексей отмокает в ванне, за закрытой дверью которой едва слышно капает вода. Из полуоткрытого окна соседнего бунгало доносится стремительный, летящий ритм оркестра Дюка Эллингтона — вещь «Skin Deer» пульсирует в обострённом темпе, выстукивая бешеную дробь барабанов сквозь сырые калифорнийские сумерки.

Этот взвинченный ритм пронзает ночную мглу, перетекая на пустырь за линией железной дороги. Там, в салоне тёмного «Бьюика», пропитавшемся едким дымом дешёвых сигарет, динамик радиостанции глухо кашляет статикой. Мужчина в примятой фетровой шляпе перехватывает телефонную трубку, переговариваясь по скрытой частоте под тот же далёкий, летящий перебор эллингтоновских барабанов, долетающий со стороны хайвея.

— Будем знакомы, меня зовут Дворжевски.

— А меня Жорж.

— И что же нам делать, Жорж?

— Просто отдайте его нам, он наш. Дальше мы сами разберёмся.

— Ты ведь понимаешь, что это исключено.

— Дворжевски, в этом мире нет ничего невозможного.

— Один мой звонок — и всю твою шайку-лейку арестуют.

— А как же дети?

— Чьи дети, Жорж?

— Твои дети, Дворжевски.

— Представь: приходишь ты однажды домой, а их нет. Ты бы расстроился, я себе это живо представляю. Что, заволновался? Ладно, не переживай. Мы пока ещё ничего не планируем. Мы здесь сейчас именно для того, чтобы договориться по-хорошему.

— Как можно договариваться с упырями? Тем более теперь я не стану с тобой ни о чём договариваться. Я просто передам вас более высоким инстанциям — пусть они с вами разбираются.

— Ну чего ты сразу так напрягаешься? Я ведь ничего такого тебе не сказал. Всего лишь слегка припугнул детьми. Это же обычная практика.

— Я не знаю, как там у вас и какие у вас стандарты. Я здесь, в своей Америке.

— Слушай, дружище, а ты в своей Америке налоги лет пять не платил, скрывал свой частный детективный заработок, а теперь вдруг вспомнил про Америку?

— Какая же ты всё-таки, Жорж, сволочь.

— Не без этого.

Диалог тонет в очередной волне безумного барабанного соло, и сомнамбулический поток мгновенно возвращает действие на веранду бунгало. Рут медленно опускает бокал с мартини. Она вдруг замечает фигуру, прячущуюся в кустах. Слева возле деревьев возникает ещё одна фигура. Под обострённый, петляющий мотив «Skin Deer», доносящийся из темноты, она подходит к двери в ванную и спрашивает, всё ли у Алексея в порядке. Тот отвечает, что да, всё хорошо.

Паника подгоняет её движения в такт безумному эллингтоновскому ритму. Она бросается к его дорожной сумке, устраивает там быстрый обыск, находит старую папку, внимательно

изучает документы и газетные вырезки, а затем возвращает всё на место. Рут подбегает к двери ванной и просит Алексея открыть дверь.

щёлкает тугая задвижка, белая дверь со скрипом открывается, и Алексей выходит в облаке тёплого пара, на ходу вытираясь полотенцем. Рут резко хватает его за руку, заглядывая прямо в глаза.

— Алексей, срочно одевайся, нам нужно покинуть это место.

— Что случилось, Рут?

— За нами следят. Поначалу я думала, что это моя фобия, но сейчас я реально видела этих людей.

— Не обращай внимания. Я уже к этому привык.

— К чему именно ты привык?

— Эти люди считают, что я тот самый Алексей, который уцелел после расстрела царской семьи.

— Может, ты сам и не считаешь себя тем Алексеем, но что у них на уме одному богу известно. Ты это осознаешь? Во что ты меня втянул.

— Я тебя втянул?

— Да, ты. Я видела твою секретную папку. Видела все эти вырезки, документы, историю твоей болезни — так что не считай меня душой. Я всё сразу поняла.

— Документы — правда, а вырезки... я их всю жизнь собираю.

— У тебя и правда гемофилия?

— Похоже на то.

— И как ты с этим живёшь?

— Привык.

Всё, началось.

Алексей внезапно умолкает и резко меняется в лице. Пространство вокруг них ломается под непрекращающийся, взвинченный бег эллингтоновских барабанов. Из его носа по подбородку идёт густая струя крови. Но взгляд серо-голубых глаз остаётся спокойным, а движения — выверенными. Время ускоряется в такт музыке. Он хладнокровно делает быстрый шаг к тумбочке, выхватывает из сумки коричневую бутылочку с перекисью водорода и кусок ваты. Пальцы действуют мгновенно и заученно. Он щедро льёт жидкость на тампон — перекись вскипает шипящей белой пеной. Преодолевая боль, он глубоко вколачивает этот, ком в ноздрю и с силой зажимает переносицу, останавливая приступ своими силами.

— Вызвать скорую?

— Скорую уже поздно. Твоя машина у подъезда?

Музыка за окном гремит на предельной скорости, подгоняя их каждое движение, превращая реальность в стремительный, плывущий поток. Он выбегает в одних трусах, прижимая полотенце к лицу, запрыгивает на пассажирское сиденье машины Рут. Автомобиль срывается с места и мгновенно исчезает за поворотом, растворяясь в туманных улицах Сан-Бернардино под угасающие, летящие аккорды духовых.

Не проходит и пяти минут.

К опустевшему бунгалу под покровом темноты подкатывают две машины. Из них выходят люди в сером, забрасывают бунгало гранатами, затем разворачиваются и уезжают. Раздаётся серия глухих взрывов, и бунгало мгновенно охватывает яростное пламя, пожирая следы их пребывания в Сан-Бернардино, а финальный, летящий перебор джазовых тарелок ставит точку в этом огненном мареве.

Глава 7

Октябрьский ветер гонит тяжёлые, солёные волны серого Тихого океана прямо к деревянным сваям пирса Санта-Моники, штат Калифорния. На парковке у окружной больницы,

откуда доносится глухой рокот прибоя, воздух пахнет водорослями, йодом и влажным асфальтом хайвея Route 66.

Алексей выходит на крыльцо больницы, кутаясь в воротник, наспех купленного пальто. Рут ждёт его у парапета, бледная, с застывшим лицом.

— Как ты?

— Мне стало лучше.

— Мы расстаёмся.

— Сейчас?

— Да, прямо сейчас.

— Бунгало, которое мы сняли, взорвали. Нам повезло, что мы остались живы. Я тебе купила вещей на первое время. А дальше ты уже сам.

— Ну ладно, что уж там. Спасибо тебе, Рут.

— Я просто не могу так жить, Алексей, как ты живёшь.

— Я понимаю.

— Ну тогда я пошла.

— Конечно.

Из приоткрытого окна припаркованного неподалёку автомобиля доносятся первые, меланхоличные звуки саксофона Джона Колтрейна. Его «You Don't Know What Love Is» плывёт над парковкой, вплетаясь в шум набегающих волн.

— Да, чуть не забыла. Твоя машина на стоянке — с полными баками.

— Спасибо тебе, Рут.

— Поправляйся, Алексей.

— Береги себя, Рут.

— Ты тоже.

Она уходит, растворяясь в прибрежном тумане, а у Алексея на душе становится так тоскливо. Опять он попадал в зону турбулентности. Сколько раз зарекался не заводить никаких отношений. Максимум на одну ночь, на две. Купился на женские чары, а потом так трудно всё это переживать, весь этот разрыв. Плачущий, тягучий мотив Колтрейна струится сквозь туман, словно овеществляя эту горькую пустоту.

Все эти дурацкие вырезки из газет. Зачем он их хранил? Для чего? Кому это надо? Все эти документы какие-то, псевдодокументы, псевдоархивы. о чём они говорят? Если там хоть капля правды. Действительно, и не было никакого расстрела вообще. Просто было всем выгодно, чтобы царская семья исчезла. Вот она и исчезла.

Алексей пытается вспомнить, когда это началось всё. Когда началось вот это его нескончаемое размышление о царевиче Алексее, в какой момент жизни? С самого детства, когда матушка сказала, что его называли в честь царевича. Он ещё был жив. А потом была эта казнь, этот чудовищный расстрел. И всё это было как будто вот перед глазами его происходило, как будто бы в него стреляли. Ему говорят о том, что он впечатлительный. Возможно. Сакральные, медленные аккорды «You Don't Know What Love Is» продолжают крутиться в мыслях, баюкая эту вечную, вязкую рефлексию.

Надо срочно избавиться от машины. Меркури слишком приметный. ещё утром Алексей замечает, как лечащий врач Робинсон приехал на работу на невзрачном Шевроле. Алексей предложил ему обмен с доплатой. Доктор нашёл быстро необходимые деньги, и они поменялись машинами. Вечером Алексей уже катит к самому океану, где асфальт упирается в воду, и идти дальше некуда.

Он меняет имя, вернее, сокращает имя Алексей до Алекса. Стоит возле мутного зеркала в дешёвом номере прибрежного мотеля и репетирует, глядя на своё бледное отражение:

— Привет, я Алекс.

Финальная, затухающая нота Колтрейна тает в сырости номера в мотеле, обрывая прошлое.

Вечером Алексей идёт в местный бар смотреть новых музыкантов, всю ночь танцует под модный в то время бибоп. Синкопированные, рваные ритмы альт-саксофона Чарли Паркера яростно заглушают гул прибоя за стенами, закручивая пространство в неистовый, безумный вихрь. В мотель, как и следовало ожидать, Алексей возвращается не один, с мулаткой Кариной. Пытаются заняться любовью, но не выходит. Они оба просто мертвецки уставшие и пьяные. Всё утро провалялись, день провалялись, вечером кое-как отошли, пошли опять в клуб, опять напились, опять отходили. Так продолжается около двух недель, пока Карину не забирает скорая с белой горячкой.

За окном мотеля катится тяжёлая серая волна, поглощая остатки джазового безумия. Дорога закончилась.

Глава 8

Серый «Шевроле» медленно скользит на север по шоссе U.S. Route 101, оставляя Тихий океан по левую руку. Густой октябрьский туман тяжёлым покрывалом ложится на асфальт, размывая боковое зрение и превращая набегающие волны в смутные, белёсые вспышки пены. Из старого радиоприёмника на приборной панели едва слышно, прозрачно доносятся деликатные струнные переборы Джима Холла — его гитара выводит меланхоличный стандарт «All the Things You Are». Музыка плывёт сквозь полумрак салона, заполняя пустоту ночи, пока в тусклом свете фар из серой дымки обочины не материализуется одинокий силуэт с рюкзаком. Алексей прижимает педаль тормоза, колеса шуршат по гравию, и левое стекло медленно опускается вниз, впуская в машину солёный воздух и запах сырости.

— Куда тебя, парень?

— Мне надо в Сан-Луис-Обиспо, на железнодорожную станцию. На товарняк опаздываю.

— Не знаю, где это. Садись. Покажешь дорогу.

— Я не знаю дорогу.

— Так... тогда садись за руль, а как доехать — спросишь у дальнбойщиков.

— У меня водительских прав нету.

— С тобой не соскучишься. Ладно, садись...

Парень садится на пассажирское место. Алексей медленно давит на педаль газа. Шевроле трогается с места. Тихие, воздушные аккорды Джима Холла снова окутывают салон автомобиля, превращая их движение в монотонный, сомнамбулистический путь, где рельсы проходящей рядом железной дороги Southern Pacific то возникают, то исчезают в тумане.

— Меня зовут Керуак.

— А меня Алекс, слушай, Керуак, я не спал всю ночь, расскажи мне какие-нибудь истории, анекдоты. Что-нибудь в этом роде, чтобы я не уснул.

— Ты знаешь, Алекс, я не очень хороший рассказчик, я не умею рассказывать истории, я их пишу...

— Так ты писатель что ли, Керуак?

— Ну да.

— Вот повезло то, так прочти что-нибудь. Наверняка с собой есть черновики..., а я поэт.

— Ты поэт, Алекс?

— Да.

— Очень интересно услышать твои стихи...

— Вот послушай.

Гитара Джима Холла в радиоприёмнике берёт затяжную, чистую ноту, повисая в пространстве между ними и оставляя место лишь для негромкого, отрешённого голоса. Алексей чуть прикрыл глаза, продекламировал:

Прости,
Я-был-так-жесток-с-тобой-этим-утром...
поставил крест на судьбе и призвАнии
взял твоё тело из тёплой постЕли...
и бросил в толпу на растерзАние
когда ТЫ распАлся на атомы в мире....
никто, даже Я не заметил пропАжу
разве что стало пустынно под кожей...
(но) вряд ли кто вспомнит и что-то расскАжет

Музыка уходит на глубину, растворяясь в мерном гуле мотора, пока Керуак удивлённо разглядывает бледный профиль водителя.

— уФФ, как неожиданно..

— Что, неожиданно?

— Неожиданно услышать от тебя такие глубокие стихи.

— А что ты ждал услышать?

— Ну, что-нибудь типа: «Я преисполнен был любовью к вам мой ангел» и так далее.

Алексей смеётся, и этот короткий смех на мгновение разрывает вязкую дорожную рефлексия.

— Пора менять имидж.

— А ты как не меняй, Алекс, у тебя всё на лице написано.

— Что именно написано?

— Что ты аристократ?

— Никогда об этом не думал, Керуак.

— Да ладно, и никто тебе об этом не говорил никогда?

— Никогда.

Алексей, конечно же, лукавил. Прошное снова лениво ворочается на дне его сознания, подстраиваясь под меланхоличный перебор гитарных струн.

Керуак вынул из рюкзака бутылку с вином, отхлебнул и спросил: «Будешь?»

— Давай — сказал Алексей, и тоже отхлебнул.

Он на секунду теряет контроль. Плывущие звуки Джима Холла из приёмника мгновенно обрываются оглушительным, скрежещущим ударом железа. Пространство сна разлетается вдребезги. Шевроле тут же врезается в автобус.

Визг тормозов, крики и белый пар из пробитого радиатора заполняют ночную трассу, медленно смешиваясь с калифорнийским туманом. Время словно густеет, превращаясь в тягучую, нереальную паузу. Сквозь звенящую тишину в ушах Алексей видит, как в серой дымке медленно проступают багровые отсветы пульсирующих мигалок. Появившийся из темноты офицер действует холодно и безразлично, его движения кажутся частью затянувшегося кошмара. Он не стал выслушивать никого из участников аварии. Железные браслеты наручников сухо защёлкиваются на запястьях, обрывая остатки дорожной свободы. Всех троих, в том числе и водителя автобуса, офицер распоряжается отправить под стражу. Все трое на момент аварии были пьяны. Шевроле конфискован на время следствия. Под монотонный, далёкий шум невидимого прибора патрульная машина медленно увозит Алексея и Керуака вглубь ночного округа, оставляя разбитый автомобиль умирать на обочине хайвея.

Глава 9

Серый рассвет едва пробивается сквозь зарешёченное окно кабинета. Из старого радио-приёмника на столе шерифа лениво, по-бродяжьи катится блюзовый рояль Отиса Спэнна, заполняя комнату вязкими, неторопливыми нотами. Детектив Стэнтон, мужчина плотного

телосложения средних лет, хмуро разглядывает сидящих перед ним ночных арестантов. Он медленно тушит сигарету в жестяной крышке и переводит взгляд с одного на другого.

— Я задам вам несколько вопросов, молодые люди, дам вам пинка под зад, чтобы вы мне больше на глаза не попались...

— Итак, ты Алекс?

— Так точно, сэр.

— Не ёрничай, а то присядешь у меня на несколько месяцев.

— Вас понял, сэр.

— Водительских прав нет, Алекс?

— Нет.

— Машина не твоя?

— Мы её не успели оформить.

— Свободен.

Детектив переводит тяжёлый взгляд на соседа. Блюз в приёмнике берёт ленивый, затихающий аккорд.

— Керуак.

— Да, сэр.

— Свободен.

Лязгает тяжёлый засов, и они выходят из полицейского участка в прохладный утренний туман, где воздух пахнет сырой землёй и близким океаном. Сомнамбулическое чувство свободы после душной камеры слегка кружит голову.

— Что делать? Ума не приложу.

— Для начала позавтракать хорошо бы.

— Я на мели, Керуак.

— У меня здесь неподалёку друзья живут. Зайдём к ним.

Они сворачивают в лабиринт невысоких пригородных улочек, где за покосившимися заборами прячутся полунищие дома калифорнийской богемы. Дверь одного из бунгало распадается, впуская их в тепло жилого дома.

— Опять ты, Керуак, опять не один. Ладно, заходите.

— Спасибо, малышка Джоан. Прости, что без предупреждения. У тебя не найдётся что-нибудь похавать?

— Собачьи консервы могу с макаронами сделать, будете?

— Конечно, мать, будем.

— Ладно, чёрт с вами, — Джоан ставит бутылку водки на стол. — Выпьем за встречу. Давно не виделись. Только учтите, черти, когда дети проснутся, чтобы ноги вашей тут не было.

Они выходят от Джоан подшофе, довольные, сытые. Время лениво растягивается, превращая этот день в медленное, покачивающееся марево. Керуак звонит на работу из уличного автомата, сообщает хриплым голосом, что заболел. Алексей зевает, кутаясь в воротник пальто. Керуак живёт неподалёку, снимает крошечную комнату с окнами на пустырь. По пути они заходят в местный алкомаркет, берут две бутылки водки в долг, так как денег нет, и перехватывают у уличного торговца пару пирожков. «На закуску достаточно», — подводит итог Керуак. К полудню оба отключаются прямо на неразобранной постели, проваливаясь в глубокий, безмятежный сон, и просыпаются только к позднему вечеру, когда за окнами уже густеют фиолетовые сумерки. Потом решают пойти в клуб.

Они идут по ночным улицам, делясь бутылкой из кармана. Разговор течёт плавно, мешаясь с шумом далёкого приюта.

— Я с тобой не согласен, Алекс, человек не так безнадёжен, как ты считаешь... Он меняется. Не так быстро, как хотелось бы, но меняется. Да, маргиналы всё ещё сильны. И нам тяжело с ними, порой даже невыносимо. Но смотри: если вчера ещё — я беру всю историю челове-

ства вплоть до двадцатого века — они ещё не скрывали своего людоедства, то теперь стыдливо говорят о гуманизме, о светлом будущем. Хотя бы говорят.

— Ты прав, Керуак. Но я не понимаю. Чем вам не угодила так называемая американская мечта? Ну, есть общие идеалы. Ну что в этом плохого? Уже лучше такие идеалы. Ты говоришь, чтобы человек чаще заглядывал в своё сердце. Ну давай представим, как Сталин заглядывает в своё сердце... И ещё, Керуак, чуть не забыл. Твоя проза уникальна. Я нигде никогда не читал подобного. Поэтому пиши, не слушай никого и опубликовывай. И знай, что я самый первый твой читатель в очереди.

А потом все границы реальности окончательно стираются, и ночной поток забирает всех в джазовый клуб «Бибоп». Пространство подвала взрывается яростным, стремительным саксофоном Декстера Гордона. Его рваные, синкопированные импровизации мешаются с сигаретным дымом, звяканьем стаканов и дикими криками толпы, унося Алексея в настоящий трансовый угар, где лица людей кажутся масками. К утру все буквально валяется с ног от усталости и алкоголя.

Они опять заходят к Джоан, когда рассвет только начинает окрашивать крыши. Дети уже не спят, в доме царит весёлый хаос. Алексей и Керуак, окончательно потеряв счёт времени и приличиям, как собачки, бегают на четвереньках по ковру с высунутыми языками, растворяясь в этом чистом, детском безумии. Дети кричат, заливаясь смехом: «Не поймаешь, не поймаешь!»

Под утро Алексей выползает из постели в душной комнате, голова гудит, он начинает медленно одеваться. Из темноты прихожей подходит Джоан, обнимает его сзади тёплыми руками и мягко целует в шею.

— Заходи как-нибудь. Я буду скучать, мой принц.

Он выходит на улицу, где город только просыпается. Стоит лёгкий морозец, воздух чист и колет лёгкие. Алексей запускает руку во внутренний карман пальто. Пальцы натываются на плотную бумагу. Он извлекает две пачки сотенных, которые неизвестно откуда снова появились у него. Смотрит на плотные пачки, усмехается и возвращает их на место. В ближайшем подержанном автосалоне на углу Алексей покупает темно-зелёный «Шевроле». Находит монетку, звонит из автомата детективу Стэнтону:

— Командир, ты обещал с правами помочь.

А вечером темно-зелёный «Шевроле» уже выезжает на хайвей, оставляя Лос-Анджелес позади. Алексей давит на газ, уезжая в Сиэтл, а на пассажирском сиденье, закинув ноги на панель и листая блокнот со стихами, сидит Гэри Снайдер. Дорога продолжается.

Глава 10

Темно-зелёный «Шевроле» плавно рассекает ноябрьские туманы, продвигаясь всё дальше на север по разбитому прибрежному шоссе. За левым стеклом в темноте бесконечно катится невидимый, гулкий океан, а справа плотной стеной нависают мрачные исполинские секвойи. Из радиоприёмника на приборной панели едва слышно, прозрачно капая редкие, медитативные аккорды гитары Джима Холла. Эта прохладная, невесомая музыка создает ощущение летящей пустоты, размывая границы реальности и превращая салон машины в замкнутую сомнамбулическую капсулу. Гэри Снайдер откидывается на пассажирском сиденье, заложив руки за голову, ловит боковым зрением ритм гитарных струн и нарушает дорожную тишину.

— Да, я готов окунуться в твою поэзию, Алекс. Слушаю тебя внимательно.

Гэри прикрыл глаза. Алексей, не снимая рук с рулевого колеса и устремив взгляд в туманную даль хайвея, негромко декламирует в полумрак:

да, Я БОг,

(но) я тоже устал...
сорвался, открылись душевные рАны
просто взял отпуск... и У-Е-динИлся...
в хижине... у океАна...
жил, как отшельник... на автопилоте...
долгое время... не имел плАнов
но однажды... услышал твой ропот...
и разразился в душе... урагАном

ты декламировал: «если ты, БОг...
мне - муравью открой замысел свОй
если он есть... а если нет... ..
тень каблука... пронеси надо мнОй»
я не ответил... Слово ушло...
стало твоим... как стезЯ:
«мир так устроен, что всё в нём возможно,
но ничего исправить нельзЯ»

Гитара Джима Холла берёт долгую, чистую ноту, угасающую в ровном гуле мотора, и
Гэри медленно открывает глаза.

- Да ты динозавр, Алекс.
- В смысле, динозавр?
- Самый настоящий динозавр, хотя вру, точнее сказать: неординарный динозавр.
- Иронизируете, молодой человек?
- Прости, Алекс, я надеюсь, ты не обиделся на меня. Но мне очень понравилось....
- Но, конечно же, ты далёк от всего этого.
- Ну, конечно же, я далёк от всего этого.
- А к чему же ты близок? Уважаемый Гэри.
- А к чему же я близок? Потому что слово "близок" — подлое слово.
- А если быть честным, я бы рассказал твою историю по-другому.
- Так расскажи.

— Слушай. Муравью. Всё можно.

- И всё?
- Да, больше ничего не нужно.
- И это есть твой дзэн-буддизм?
- Он самый.
- Или ещё одна версия твой текст один в один, а в конце:

У каждого муравья своё мнение...

- Так. Где ж тебя посадить, друг....
- Обиделся.
- Да не обиделся я. Просто хотел серьёзно поговорить, а теперь понял, что ты не настроен серьёзно разговаривать. И никакой ты нахрен не буддист. Так — Балабол.
- А теперь вот серьёзно. Дзэн-буддизм на тему твоего стиха.

Гэри закрывает глаза, покачиваясь в такт прозрачным гитарным переборам, и декламирует:

Вот конфликт мировоззрений
Динозавр и Балабол
Просто взглядишь и увидишь
Что это фикус и кактус?
Они не уживаются вместе. Отставь их подальше друг от друга
И они будут долго радовать тебя
Фикус и кактус

Алексей засмеялся.
— Парень, а ты мне нравишься.

И этот смех плавно растворяется в летящих нотах джаза, перетекая в серую реальность финала пути. Сиэтл встречает их холодным дождём со снегом. Улицы портового города забиты транспортом, машины ползут как черепахи сквозь мокрую кашу. Дворники «Шевроле» монотонно скрипят, размазывая капли по лобовому стеклу, а Джим Холл в радиоприёмнике окончательно уступает место шуму портовых гудков. Гэри поворачивается к Алексею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.